

ПОЭТА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА АСЕЕВА

ХОРОША НАША СЕЙМ-РЕКА,
ХОТЬ ОНА НЕ ОКА, НЕ ВОЛГА,
НО ПО ЗАРОСЛЯМ ИВНЯКА
СОЛОВЬИ ГРЕМЯТ БЕЗ УМОЛКА.

И ГОРЖУСЬ Я И ВЕСЕЛЮСЬ,
ПУСТЬ И В СЕРДЦЕ СТАРОСТЬЮ РАНЕН,
ЧТО СИЛЬНА МОЯ НОВАЯ РУСЬ
И ЧТО Я ЕЕ СЫН-КУРЯНИН!

Н. АСЕЕВ.

Поэт Николай Николаевич Асеев (на снимке) родился 9 июля 1889 года в нашем городе Льгове. Дом Асеевых и поныне стоит на улице Асеева (ранее Пятницкой). Мать поэта умерла рано. Отец женился на другой женщине.

Рос и воспитывался поэт в семье деда Николая Павловича Пинского и бабушки Варвары Степановны Пинской. Десятилетним мальчиком Асеев поступил в Курское реальное училище. Здесь он впервые начал писать стихи. В 1910 году его стихи начали появляться в печати. В 1914 году вышел первый сборник стихотворений «Ночная флейта».

Большую любовь к родным местам, гордость за наш курский край, за Советскую Родину пронес через всю жизнь и завещал нам, своим землякам, поэт Николай Асеев. В своих произведениях поэт воспевал красоту родного края. Ему он посвятил цикл стихов «Курские края».

К теме родного края Николай Асеев возвращался на протяжении всей своей жизни. В 1959 году в возрасте 70 лет поэт написал «Богатырскую поэму», посвященную своим землякам-курянам.

Предлагаем вниманию читателей некоторые стихи поэта.

Николай Асеев

СЧАСТЬЯ ВАМ,
ДОРОГИЕ
КУРЯНЕ!

Курские раздолья и уголья,
курская поводка; удаль, стая...
Разрешите мне на новогодье
под окном у вас пошедровать!
Добрый вечер, щедрый вечер,
люди,
кто мне по-прежнему
сродни!
Верю я, что добрый вечер
будет —
щедрый и вечера и дни.
Кланяюсь я Тускари и Сейму,
кланяюсь и людям и полям.
Радости, здоровья и веселья,
земляки мои, желаю вам!

БОГАТЫРСКАЯ
ПОЭМА

(ЗЕМЛЯКАМ-КУРЯНАМ)

А мои куряне сведомы кметей
«Слово о полку Игореве».

Был я молод, а стал я стар,
время лезть к зиме на полата,
но сердечный юности жар
до сих пор еще не истратил.
Кто в Евангелии, кто в Коране,
веры многие есть на свете, —
я ж поверил в своих курян —
сведомых кметей!
Что же это за «сведомы кметей»,
что в поход подымали стяги?
А по-моему, это
были курские работяги.
На конях князя разъезжали
в шишаках узорных,
кметы ж в лаптях врагов
отражали
в тех боях упорных.
А когда эти битвы стихали,
князь сиял, словословьем
украшен;
кметы ж вновь боролись,
пахали
черноту наших пашен.
Знал я их, будто век с ними жил,
будто о конь ходил за сохой,
пил и ел, и кожей сторожил
летней полночью темной,
глухою...
Их глаза были синью небес,
облака были бородами;
их запястий тяжелый вес
перебрасывался пудами.
И когда бороздой семеня,

нес я полдничать им на поляны,
до небес поднимали меня,
вскинув на руки, великаны.
Приподняв к самим небесам,
вновь меня опускали на почву,
чтоб я чувствовал землю сам
под босою ногою прочно.
Говорят, электричество в ней
пронизает через подошвы:
кто ступает подошвой ступней,
тот становится сильный
и дощлый!
Ничего, что лишь лук да квас,
да краюха в чистой тряпице, —
прибавлялся силы запас,
помогал на земле укрепиться.
И, читая потом про Илью,
про Микулу читая былины,
я прикладывал их к былью
земляков моих курских старинных.
Близко видел я их вокруг,
солнцелюбовых древян
плечистых,
поворачивающих, как плуг,
жизнь свою в свете зорь лучистых.

Был расписан церковный свод
во святых угодников лики;
за царей, за дворян-господ
возносили дяконы клики...
Но в туман уходили года
мятежей, коронаций, свадбей...
И умчались вскачь господа
из своих сожженных усадеб.
Гордецы у нас мужики:
им не надо с нуждою знаться,
им не надо теперь в батраки
к кулаку идти наниматься!
Величава у баб наших стая:
им не пробовать рабской лямки
и не надо себя продавать
к богатырям в кормилки-мамки!
Хоть и знаю — невозможу
всех курян назвать поименно, —
поднимаю на высоту
нашей области Курской знамена.
Что в ряду других областей
не отстала, не ослабела
и из дробных земель-волостей
стала частью великого целого.
Та земля, что старинной была,
но за облако сошку кинув,
на великие чудо-дела
разогнула могучую спину.
И всей правдой своей души
поняла: коммунисты правы!
И пошла, как пожары, тушить
всенародных врагов оравы.
И построила новый дом,
и засела новое поле,
и своим помогла трудом
всесоветской великой воле.

Хороша наша Сейм-река,
хоть она не Ока, не Волга,
но по зарослям ивняка

соловьи гремят без умолка,
А по берегу до зари, —
чем рассвет золотей и ширше, —
ходят парни-богатыри,
ходят девушки-богатырши...
Ну, а как их иначе назвать?
Если — вы посудите сами —
тут какие слова не трать,
их дела назовешь чудесами.
Ничего, что был лук да квас,
да краюха в чистой тряпице, —
уж такой у нас сил запас,
что другим надо торопиться.
Ведь такие теперь дела
наша область стала ворочать, —
ни в какие колокола
ею сделанного не опорочить!
И горжусь я и веселюсь,
пусть и в сердце старостью
ранен,
что сильна моя новая Русь
и что я ее сын-курянин!

КУРСКИЕ КРАЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

Хоть и у тебя немало мокрых
свежих рощ — лишь щеки
утрай, —
я тебя не славлю, Курский
округ,
соловьиный край,
Что мне вспомнить? Чем меня
дарила,
родина шербатая моя?
Рытые да траченные рыла —
пьяные дядья да кумовья.
Со времен забытого удела
навек-век
здесь земля не струнами гудела —
громом волосатых кулаков.
Били в душу, душу выбить
сились,
а потом — иди ищи,
кто пустил густую кровь
с потылиц,
чьей свинчаткой свернуты хрящи.
Поднимались, падали, сходились
городские против слабодских,
плакали, судились,
торговали, и — не стало их.
Вновь родившись, петь пытались
снова,
но, звериным воем захрипев,
из зубов, расшибленных
с полслова,
выпадал напев.
И зари пустынное сиянье
над быльем постылого мирка —
над Путивлем, Суджей, Обоянью
гасло, отвержав,
Бор дремучий над рекой
гремучей
это — только песенный галдеж,
а на деле — не изловяшь случай,
так и пропадешь.
А на деле — скривленные ивы,

серый свет, что будний день
зажег,
Тускари, холодной и ленивой,
плоский бережок.
Что ж сказать на путь
и на прощанье
вам, что, в темень времени
сбежав,
все еще грозитесь мне, мешанья
выселки с глухого рубежа?
Стойте ж да бывайте

здоровеньки!
Вас не тронет лесь или хула,
Люшска да Нижни Деревеньки,
тенькавшие в Дон колокола.
Стойте крепче. Вы мое оплечье,
вы мои деды и кумовья,
вы мое обличье человежье,
курские края.

ДОМ
(ОТРЫВОК)

Дом стоял
у города на въезде,
окнами
в метелицу и мглу,
близостью
созвездий
думалось
и бредилось ему.
Зоревое пламя
было в стекла, плыл рекой туман,
дом дышал
густыми коноплями,
свежестью
сводящую с ума.
Он хотел
крыльцом скрипучим
дергать,
хлопать ставней,
крышей грохотать,
дом хотел
шататься от восторга,
что вокруг
такая благодать;
что его,
до стрех обстав, подсолнух
рыжей рожей
застил от других,
точно плыл он
на прохладных волнах
калачей
и лопухов тугих...
В доме пели птицы —
сойки,
коноплянки и клесты.
И теперь еще
мне щебет снится,
зори, росы, травы и кусты.
И теперь...
глаза бы не глядели,
уши бы не слушали иной,
кроме той
предрассветной трели,
что будила детство за стеной.
И когда,
тавровое мешанство
я теперь
смотрю тебе в глаза,
я не знаю, где я умещался,
кто мне это в уши насказал.
Может, в клетке,
может, из-за прутьев,
горькой болью
полный позарез,
в сны мои
протискивался грудью
свежезановоленный скворец?!
Потому
не дни,
не имена я, —
темный страх
в подзорьи
зата,
лишь тебя
по бревнам
вспоминаю,
дом мой,
сон мой,
молодость моя!

ДЕТСТВО
(ОТРЫВОК)

Детство. Мальчик. Пенал. Урок.
За плечами тяжелый ранец...
День еще без конца широк,
бесконечен зари рмянец.
Мир еще беспредельно пуст:
света с сумраком поединок,
под ногой веселящий хруст
начеканенных за ночь льдинок.
На душе еще нет рубцов,
еще мало надежд погребенных;
среди сотни других сорванцов,
полузрелый — полуробеноч...
Губернаторский дом был строг:
полицейский с тяжелой шапкой
здесь стоял, чтоб никто не смог
подлететь к нему мелкой
пташкой.
За зеркальным окном — цветы:
пальмы, крокусы, орхидеи
из торжественной пустоты
смотрят в улицу, холодея.
Здесь слова недоступны нам,
объяснения сухи и кратки;
здесь нисходят по ступеням,
чуть натягивая перчатки.
У подъезда карета ждет,
и как будто совсем без усилий
пара серых с места берет
и летит, обдавая пылью.
Лишь дворянских выборов съез
отражался в начищенной меди;
поднимались с належанных мест,
покидая берлоги, медведи.
Полторацкого номера
учащено хлопали дверью:
эполеты и кивера,
палантины, боа и перья.
Все казалось сказкой иной,
из каренинского быта;
все вздымалось плотной стеной,
из алмазов и стали слито.
И от блеска этой игры
на уезд струилось сиянье:
так же жил и город Шигры,
то же делалось в Обояни.
Вот таков же и город Льгов,
инде звавшийся Ольгов-градом,
жил среди полей и лугов,
отраженным губернским складом.
Через Сейм — деревянный мост,
место праздничных поздних
гуляний;
соловьиный передний пост
на ракитовой лунной поляне;
а за ним, меж дубов, у ворот
Князь-Барятинского парка,
их насаено неупорочит,
так что небу становится жарко.
Тут и там, и правой, и левой,
в семь колен рассыпаются лихо —
соловей, соловей, соловей,
лишь внимать поспевай соловьям!
Соловьями наш край знаменит,
он не знает безделья и скуки;
он, должно быть, и кровь
пламенит,
и хрустальными делает звуки...

Извещение

9 июля в 17 часов в г. Льгове состоится торжественное открытие мемориальной доски поэту-земляку Н. Н. Асееву на доме, где он родился и жил (ул. Асеева-Советская, дом №7/77).

В 19 часов в районном Доме культуры состоится литературный вечер, посвященный 90-летию со дня рождения поэта Н. Н. Асеева.

Редактор В. ГУСЕЛЬНИКОВ.